

СТУДЕНЧЕСКИЙ ТЕАТР, ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Студенческий театр. В Москве, Томске, Куйбыше-
ве, Капани, Челябинске... Наверное, нет ни одного го-
рода со школьной скамьи советской студенческой аудито-
рии, где не было бы студенческого театра.

Сегодня на добром «дружном» студенческом собра-
нии представители студенческих театров, чтобы обсудить
проблемы, стоящие перед их коллективами. В гости в
редакцию пришел М. Розовский (встретив студия
МТУ «Наш дом»), С. Каминский (студенческий театр
Казахского университета), А. Мерзоев (А. Мерзоев
(студенческий театр Челябинского политехнического
института).

М. Розовский: Наш театр родился в 1959 году. Тогда
жизнь профессиональных коллективов оставляла желать
много лучшего. Сейчас немало молодых театров. В то
время было одно студенческое.

Как вы помните, перед тем в 1959 году состоялся
Московский всесоюзный фестиваль. Оценивали все на-
ше существование и в правде, всего студенческого.
Один из создателей театра, Альберт Аксельрод, учился
в медицинском институте. Я — на факультете жур-
налистики. Илья Рубинер только что закончил институт.
Вся троица заветная идея создания своего театра.

М. Розовский: Идея была хорошая, но наш театр был
«академичнее», чем все остальные. Мы занимались
художественными проблемами. Будем искать для них новые сцене-
ческие формы.

Конечно, мы не могли не представлять, во что все
это может вылиться. «Академичность» интересовала только опре-
деленную аудиторию и существует один раз. Нам не
хотелось выродиться, заниматься проблемами пижон-
ства, столовой, нарушения дисциплины в общении.

С. Каминский: Какие же, по-вашему, основные черты
театра студенческого?

М. Розовский: Первые условия — сделать так, чтобы
в театре имелось ядро фанатично-искусствоведов со своим
задачам, привязанностью, своим отношением к эс-
тетическому искусству и жизни.

С. Каминский: Но вы уже не студенты, а считается
студенский театр?

М. Розовский: Это формальная постановка вопроса.
М. Розовский: Первый вопрос: ставились ли задачи
студенческого театра, то всю жизнь можете там и
оставаться?

М. Розовский: У каждого самостоятельного театра
свой путь. Это одна из черт, отличающая его от
иного. Конечно, баловались. Но наш театр был
не столько студенческим, сколько просто молодежным,
да и общедоступным тоже. Второй спектакль, — «При-
слушайтесь, время бы уже совсем на студенческом.
Нам волновали темы прогресса и консерватизма, войны и
мира».

А. Мерзоев: Я согласен с Марком Розовским. Студент
— именно как синоним самого передового, самого
интересного. Поэтому театр называется студенческий.
Естественно, ему необходим приток новых сил. Может
сюда прийти и студент, и не студент.

М. Розовский: Первый вопрос: ставились ли перед на-
ми, был репертуарный, сюжетный вопрос. Мы хотели
выразить свое. Нужна была драматургия. А раз так,
начали ее создавать. Собрали всех авторов «академичнее»
Москвы. Собрался человек тридцать. После пяти за-
дач, кроме нас трое, осталось всего двое: Венге-
ров и Харитонов. Некая уйма потому, что хотели
создать свой театр, отличный от нашего. Некоторые
просто не подошли нам. Венгеров и Харитонов стали
нашими единомышленниками.

Писали ночами. Во время работы над вторым спек-
таклем Венгеров и Харитонов тоже покинули нас. Вме-
сто них пришли студенты — Слава, Миша.

Что мы хотели? Мы хотели каждую сцену решить
эстетично, синтетично. Придумывая ее, мы были не
только драматургами, но одновременно и режиссерами.
Писали на пьесу, а скорее сценарий. Нам важно
было не только и не столько само содержание, а сущно-
сти начала на бумаге весь комплекс сценической вырази-
тельности.

Так что мы старались в наших записках сочетать чисто
техническую сторону спектакля с эмоциональной. Для нас
важно не только, кто сюжет персонаж, но и как он
в нем живет. Мы старались сделать так, чтобы сюжет
пошел в сценарии. Поэтому нам трудно выступать по ра-
дио и телевидению. На телевизионном экране для нас
тоже, так как у нас театр зрелищный. Я думаю, та-
тарт Мерзоев тоже много проиграл бы, выступая
по телевидению.

М. Розовский: Для нас репертуар — тоже самое гла-
вное. Многие искали в области формы. Театрального, му-
зыкального характера. Почти половину наших спек-
таклей занимает музыка. Создан большой оркестр. Му-
зыка, правда, написана не нами. Но мы старались под-
держать ее так, чтобы казалась для нас родной. Ор-
кестр входил в ткань спектакля. Но главному роль
отводили все-таки драматургии, тексту. Текст лишем
сам.

Начался театр тоже с двух единомышленников. Это
Людмила и Наталья. «24 часа» почти познакоми-
вшись с ней, они один день студента. Темы — уни-
терситетские. Форма — «академичнее». С этой про-
граммой долго выступали у себя. Эх, если с ней про-
ехали летом в Польшу, Чехословакию. Принимали нас
очень хорошо.

М. Розовский: Вы сделали свои «24 часа» по знакомым
эпиграммам юмористического характера. В этом есть
повторение уже давно созданного.

С. Каминский: Пожалуй, так оно и было. Второй, третий
спектакль шли где-то рядом с первым. Перелом по-
настоящему начался с четвертой программы.

В последний, пятый «1,4,3», поднимались уже серь-

езные проблемы. Почему в названии опущена тройка?
Тройка выступает как символ посредственности, равно-
душия. С ней очень трудно бороться, но бороться не-
обходимо. Иными словами, давали бой равнодушию.
Спектакль идет на десятый миг. В нем много текста,
сценки. Второе отделение чисто музыкальное.

Сейчас у нас в портфеле лежит программа с еще
более серьезно разработанными проблемами. Называ-
ется она «Голубо правая».

А. Мерзоев: У нас театр возник совершенно стихий-
но. Проводили споры, самостоятельности институте.
Каждый факультет готовился обособленно, втихую. Ко-
гда дошли до городского театра, обнаружилось, что
сценки у всех более-менее одинаковы. Сопровождают
их оркестр и хор. Решили объединиться. В дальнейшем
программы писали совместно.

Однажды я приехал в Челябинск из Москвы под
большим впечатлением спектакля «Прислушайтесь, вре-
мя», поставленного в МГУ. Для меня это было очень
новое и неожиданное. Зал не взрывался аплодисментами,
а, думая над тем, что происходит на сцене. Каждый
драматург, образца, нацеленного подвигом в Челябин-
ске, где я стал работать преподавателем, рассказывал о
спектакле москвичей. Решили создать то же самое у се-
бя. Несколько миниатюр даже повторили в спектакле.
С. Каминский: Большинство студенческих театров соз-
давалось на основе и в форме академичности. Это стало,
по-моему, закономерностью. Но они вскоре исче-
ряют себя. Второй же спектакль берется по теме куда
серьезнее. Но именно здесь подстерегает коллектив не-
удача. Я знаю два театра, которые после двух-трех
спектаклей полностью сошли с ума. Не являясь
драматургии, сил, зрелости, знаний, чтобы браться за
большую задачу.

М. Розовский: Порой поразение возникает из-за
теоретической несостоятельности коллектива. Но случают-
ся срывы и от того, что зритель ждет от нас
чисто развлекательного спектакля, а мы хотим
сказать. Сейчас зритель идет к нам и знает, что именно он
получит от нас. Это нам приятно. Студенческий театр —
лаборатория, где рождаются и новые формы, и новые
идеи.

Начался от идеала «тоже идеал традиционных
прожоров с столовой, критике нерадивых студентов, де-
каната. После спектакля «Мы строим наш дом» нам
разговорчиво говорили: мол, вы так снисхо умали
печаль в театре. Потом все это прошло».

А. Мерзоев: Это верно. Когда мы поставили програм-
му, о которой я уже говорил, разразилось нечто по-
хожее на скандал, тихий скандал — ползала посто-
лоу со спектакля. Вы, говорю, драматурго-востан-
дательство! Мысль ведь тогда ждала только развлека-
тельного зрелища. Однако ползала все-таки остолбе-
с.

Следующую новогородскую программу мы несколько
ослабили в смысле глубины содержания. Показали обо-
зрение «Ату-агу». Суть и ход спектакля такой: по-
чему в детстве люди веселы, радовались. Им достаточно
сказать «агу», и они улыбаются. А потом, став взрослыми,
становятся раздражительными и т. д. Страшно де-
ло, мы опять почувствовали недостаток в аду. Оказа-
лось, что он ждал уже продолжения серьезного раз-
говора. Более серьезного, чем тот, который мы зате-
вали. Оказалось, что у нас по-прежнему зритель,
Тогда мы вновь заглянули за разработку серьезных тем.

Подготовили программы «Черны-козыря» и «Предель-
ная ваша сердце». Речь в них шла о равнодушии. О
равнодушии как эле (касти, оказывавшем, все-таки своим
путями идем к этой общей для нас теме). Вышли из
защиты, и ни у кого спешки. А потом, став взрослыми,
становятся раздражительными и т. д. Страшно де-
ло, мы опять почувствовали недостаток в аду. Оказа-
лось, что он ждал уже продолжения серьезного раз-
говора. Более серьезного, чем тот, который мы зате-
вали. Оказалось, что у нас по-прежнему зритель,
Тогда мы вновь заглянули за разработку серьезных тем.

Подготовили программы «Черны-козыря» и «Предель-
ная ваша сердце». Речь в них шла о равнодушии. О
равнодушии как эле (касти, оказывавшем, все-таки своим
путями идем к этой общей для нас теме). Вышли из
защиты, и ни у кого спешки. А потом, став взрослыми,
становятся раздражительными и т. д. Страшно де-
ло, мы опять почувствовали недостаток в аду. Оказа-
лось, что он ждал уже продолжения серьезного раз-
говора. Более серьезного, чем тот, который мы зате-
вали. Оказалось, что у нас по-прежнему зритель,
Тогда мы вновь заглянули за разработку серьезных тем.

М. Розовский: Если говорить об эксперименте, то
студенческий театр, как никакой другой, имеет право на
ошибку. Это право а подкреплено тремя чертами. К
сожалению, наши публики привыкли соблюдать не ошиб-
ку, но что же. Мы за то, чтобы зритель получался у нас
как собеседник, который страдал бы из-за того, что у
нас не получилось, и предлагал бы свое решение.
Я, конечно, не говорю, что в каждой сцене и спек-
такле мы должны ошибаться. Но перед мной спектакль
«Человек, который пришел изобретать», не ошиб-
ку, а ошибку. Мы за то, чтобы зритель получался у нас
как собеседник, который страдал бы из-за того, что у
нас не получилось, и предлагал бы свое решение.

Я, конечно, не говорю, что в каждой сцене и спек-
такле мы должны ошибаться. Но перед мной спектакль
«Человек, который пришел изобретать», не ошиб-
ку, а ошибку. Мы за то, чтобы зритель получался у нас
как собеседник, который страдал бы из-за того, что у
нас не получилось, и предлагал бы свое решение. Я
эксперимент необходим студентскому театру. Зри-
тель должен понять, что перед ним эксперимент, по-
нять, что театр идет, и простить ошибку. Разумеется,
это право театр должен завоевать перед зрителем.
Тут ведь есть очень важное обстоятельство:
никогда себе неумение сделать сцену достоянием
мы делаем за поиски.

А. Мерзоев: Студенческий театр можно, по-моему,
разделить по двум направлениям на две группы — те-
атр развлечения и театр мысли. Это нынешняя практи-

В гостях у московских студентов студенческий театр
Казахского университета. Фото И. АГАФОНОВА.

ка. Мне кажется, студенческий театр не должен спе-
циализироваться на развлечениях.
М. Розовский: Не согласен. В Чехословакии есть те-
атр «Семфори». Он работает по принципу мюзик-
ла. Его песни известны далеко за пределами Чехосла-
вии.

С. Каминский: Я согласен с Розовским. Ведь наш те-
атр тоже, как и «Семфори», ближе к мюзик-колу, чем
к драматическому театру.

Тут, на мой взгляд, возникает не столько проблема
жанровой специализации, сколько вопрос о професси-
онализме.

Студенческий театр не может вечно существовать
таким, какой он есть. Через какой-то промежуток вре-
мени он должен уступить место другому студенческому
му театру, состоящему из поколения, которое вновь
приходит в институт. Если бы в том виде, в котором
привыкает, переходил на профессиональную рельсу, то
утрачивал непосредственность, а значит, и интерес к
зрелищу.

Если уж говорить о профессионализме, то театр
должен стать чем-то качественно иным, не нынешним
студенческим театром. Прежде всего настоящим про-
фессиональным коллективом по сути и форме, со все-
ми вытекающими отсюда последствиями.

М. Розовский: В профессионалы нам переходить
очень трудно. Когда родился наш театр, мы уже про-
шли стадии «академичности». Он не был студенческим в
буквальном понимании термина. Но когда помешали
стать профессионалами по-настоящему, это был самый
тяжелый период для нас. Именно тогда мы не дела-
ли ни одного спектакля и организационно чувствова-
ли себя разобщенными.
Меня не меньше утешает, в котором мы работали,
попытки стать профессионалами. Но все дело в отно-
шении к студенческому театру. Если бы было
серьезное отношение к работе студенческих театров,
если бы нас принимали за равных, вопрос решился бы
проще.

Тем не менее я за профессионализацию. Но какой?
Тот, что представляет Нет, — обычный профессио-
нальный театр Кат, мы за другой вариант. Интересно,
что этот вопрос не нов. Он обсуждался еще в два-
дцатых годах. Тогда став вопрос о профессионализации
театров АТМАО и «Синей блузы»...

Почему я за профессионализацию? Потому что мы
должны быть моторами. Восьмь премьер в год — не
обязательное условие. А как это сделать? Авторы зна-
ют, на свои собственные работы.
С другой стороны, у многих из нас действительно
интересная работа по специальности. Тот же Аксельрод
никогда не бросит математику. Он работает в чрезвы-
чайно интересное институте и занимается оживлением
организмов.

Какой же выход?

Нужно стремиться к профессиональному органи-
зации, но не к профессиональному театру. Мы
такого. Ядро может профессионализироваться.
Человек должен уйти на пенсию в тридцать. Осталь-
ные, скажем, участвуют не во всех спектаклях и при-
ходят на каждый день. Обязательно нужен штатный за-
ведующий постановочной частью. С художником мо-
жно работать по договорам.

С музыкальной частью тоже сложности. Если это
музыкант высшего класса, то ему нужно платить. Му-
зыканты менее квалифицированные — неважный вы-
ход из положения.

А. Мерзоев: Когда спектакль близок к выпуску, ор-
ганизационные вопросы нас давят. Правда, творчески
нам коллектив недостаточно крепкий, чтобы гово-
рить о профессионализме. Однако в принципе я за схему
Розовского. Не полностью профессиональный театр, а
полупрофессиональный. Именно полупрофессиональный,
никогда не превращаясь в профессиональный. В нем
исключает антагонизм, притупляет склонность к творче-
скому риску.

М. Розовский: На одном антагонизме тоже нельзя
долго делать. Надо работать. Даже самостоятельное
искусство должно быть искусством, а не времяпрово-
ждением. Зритель должен говорить о том, чтобы со-
здавать искусство в театре.

Все эти проблемы очень сложные и, конечно, нуж-
даются в более обстоятельном коллективном обсужде-
нии. Вот почему совершенно необходим Всесоюзный
фестиваль студенческих театров, на котором мы встре-
тились бы в более широком составе.